

Слуга веры, слуга закона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Фирсов

18+

Александр Олегович Фирсов

Слуга веры, слуга закона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42771756

SelfPub; 2019

Аннотация

Пересекаясь в самых неожиданных моментах, сюжет развивается сразу в двух эпохах – средневековая Европа и современная Россия. Повествование ведется от лица католического инквизитора и подполковника полиции России. Какая связь может скрываться между двумя, казалось бы, совершенно непохожими друг на друга веками и государствами? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 5	36

Глава 1

Святой отец Игнатий проснулся вот уже четверть часа назад, но по-прежнему лежал в кровати не в состоянии преодолеть сонливость. Стоило ему на силу разлепить веки, как они тут же норовили сомкнуться обратно. «Это все проделки темных сил... пытаются меня остановить, ибо знают, что сегодня за день», – сонно размышлял святой отец. «Вот только они забыли, что имеют дело со мной, а я не ужасаюсь никакой нечистой силы, ибо так завещал мне поступать Господь Бог».

Действительно, отец Игнатий не привык бояться кого-либо вообще, поскольку обычно дела обстояли совсем наоборот. Стоило кому-либо завидеть издалека его долговязую, узловатую фигуру, облаченную в мешковину и неторопливо вышагивающую в сторону его деревни, глаза того человека расширялись от ужаса, а вскоре и вся деревня гудела, словно пчелиный рой. Все потому, что, куда бы ни приходил отец Игнатий, по его пятам неизменно следовала смерть. Посему его и подобных ему боялись сильнее голода и эпидемий. «Я есть инквизитор, посланник святой католической церкви и от меня не скроется никакая ересь, ни один из ее богомерзких распространителей, будь он – богатый или бедный, знатный или простолюдин, мужчина он или же женщина, взрослый или ребенок... ибо меня направляет сам Господь! Я ка-

рающая длань Его, ревностный блюститель слова Его, я послан небом, дабы идти по земле, туда, где извращают, искажают святое писание, туда, где царят богоненавистничество и дьяволопоклонство... и, когда я прихожу, священным огнем ярости Его провожу очищение от всякой ереси и всякого зла. Долготерпелив Господь Бог, но суровое воздаяние получает каждый, кто не одумается! Так бывает, когда я прихожу в оскверненное место... и так будет сегодня, ибо я уже здесь», – неизменная вступительная речь, произносимая Игнатием всякий раз, когда он собирался перед народом в любом новом поселении, куда приводила его служба. И каждый раз он видел одно и то же, как будто люди и вовсе не менялись от местности к местности, а новыми были лишь названия деревень и городов. Бледные от страха лица или же, наоборот, – бордовые от жара. Согнутые шеи, робкий взор исподлобья, тихие бормотания. Обычное зрелище. Как правило, такого обращения всегда хватало, чтобы навести ужас на жителей, заставить их подчиняться и сотрудничать. Жены доносили на мужей, сыновья на матерей – привычное дело. Люди были готовы на все, чтобы заслужить доверие церкви и отвести от себя подозрения. Находились, конечно, смельчаки и строптивые... но потом все они, все до одного, каялись, находясь в застенках инквизиции.

Отец Игнатий, собрав волю в кулак, поднялся-таки с кровати и медленно опустил ноги на холодный дощатый пол. Мутным взглядом осмотрел комнату, которую ему выделило

местное управление – дрянное место, впрочем, в масть этому захолюстью. Затем он опустил голову и уставился на свои голые ступни. Семь пальцев. Трех крайних на левой ноге, не достает с тех пор, как обезумевший от горя крестьянин отрубил их киркой, напав на Игнатия, за то, что тот запытал его жену до смерти. Бедняжка подозревалась в колдовстве, хотя в итоге это было не доказано. Крестьянин, конечно, с лихвой пожалел о том, что сделал – с него живьем содрали кожу, из которой Игнатий позже сделал переплет для судебной книги. Впрочем, изощренное воздаяние пальцы назад не вернуло, и теперь святой отец слегка прихрамывал, что, однако, придавало его походке некую величавую неспешность, свойственную людям уверенным и непоколебимым.

Игнатий тяжело поднялся на ноги, затем прошел в дальний конец комнаты, где умылся из принесённой слугами лохани, а затем туда же справил нужду. Отхлебнув воды из глиняного кувшина, он подошел к небольшому камину, в котором едва тлели угли, и тяжело опустился на колени для того, чтобы совершить утреннюю молитву.

Если бы в эту минуту в комнату вошел посторонний, то он бы лицезрел довольно странную, а то и пугающую картину. Святой отец Игнатий стоял на коленях, полностью закрыв руками лицо. Из-под сомкнутых на губах ладоней доносилось едва различимое бормотание. Время от времени Игнатий дергал головой в стороны, будто уклоняясь от че-

го-то, а иногда сгибался пополам, словно от острых, кишечных болей, и подолгу замирал в такой позе без движения. Если поднапрячь слух, то можно было разобрать, что именно бормотал святой отец:

– Что? Нет, Боже, нет! Они все заслуживают смерти, все до одного, здесь нет ни одного праведного... паучье гнездо, в котором гады разводят зло и творят бесчинства. Истинно так... только благодаря милости твоей я сдерживаюсь... ты добр, Господь, слишком... ко всем нам, спасибо тебе, Отче. Да, верно, так... она меня беспокоит... она, она разжигать мою плоть... ууууу, – Игнатий вновь согнулся, издавая глухое мычание. – Ведьма... так и есть, пытается обесчестить меня, слугу божьего... и волосы – рыжие! У одной единственной во всей деревне! Какие тут еще нужны доказательства? – Что? Воистину мудрость твоя простирается гораздо дальше пределов человеческих... испытание мне? Хорошо, так тому и быть. Я готов... готов ко всякому, готов послужить тебе... уууу... мерзкая девка снова перед глазами... Господи, прости... укрепи... – далее последовали всхлипы и совсем неразборчивый лепет. Не менее получаса продолжались стенания Игнатия, после чего он неожиданно резко встал на ноги, и лицо его уже ничего, кроме непоколебимой уверенности в себе, более не отражало.

Он быстро оделся, натянув на голое тело рясу из грубой мешковины, которая порой в жаркие дни, заполненные тяжелой работой, натирала плечи до кровавых мозолей.

Но именно тогда Игнатий чувствовал себя наиболее комфортно. «Боль очищает от грехов, приближает к богу. Все мы нуждаемся в боли. Поэтому Господь Бог в своей мудрости в таком изобилии распространил ее по всей земле. А я лишь сеятель, смиренный раб божий окропляющий уста заблудших овец Господних горьким лекарством для их же блага», – часто повторял Игнатий, когда его спрашивали, почему человек его положения добровольно носит одежды, которые обычно служат как наказание за мелкие правонарушения для простых граждан или являются частью обета смирения для молодых монахов. Но на деле святому отцу нравилось, когда капли пота бегут по его воспалённой, иссаженной коже на спине, обжигая плоть, после чего в этом месте еще долго щиплет и чешется. Игнатий считал, что так его тело становится сильнее, а дух устойчивее к скверне.

Наскоро отведав хлеба с молоком, Игнатий собрал в суму все, что могло понадобиться сегодня: показания свидетелей, дознания, чистые бланки, печать с гербом Ватикана и, конечно, судебная книга, в которой отражался весь ход этого дела. Затем он подошел к большому платяному шкафу, открыл его и вытащил оттуда огромное распятие, черного кованого железа. Крест был не меньше двух локтей в длину и треть ладони в ширину и на вид был очень тяжелым. Фигура Христа выполнена исключительно точно. Похоже, что мастер работал на совесть. Каждое ребро на художавой груди, каждая колючка на терновом венке, каждая складка на бед-

ренной повязке отчетливо виднелись на теле спасителя, что говорило о большой и кропотливой работе, проделанной ремесленником. В целом же распятие имело грозный гротескный вид. Игнатий всюду носил его с собой, так что со временем стал узнаваем людьми, которые тут же в боязливо-почтительном жесте опускали глаза к полу, судорожно вспоминая истории о старом инквизиторе с черным крестом наперевес и о его не менее черных деяниях. Ношение тяжелого железного креста в руках действительно выглядело впечатляющим. Слегка сгорбленный, как будто под тяжестью ноши, святой отец, издавек весьма напоминал самого Христа, восходящего на Голгофу. Также это распятие зачастую служило как инструмент психологического давления во время сеансов дознания. Игнатий часто тыкал крестом в лица подозреваемых, при этом громко крича, задавая провокационные вопросы, призывая к раскаянию, при этом постоянно упоминая, что «Господь смотрит на тебя – посмотри же и ты на него... и ежели ты солгал мне, то значит солгал и ему!» Учитывая размер и вес изделия, несчастный нередко оставался без передних зубов после подобных манипуляций.

Игнатий провел большой, грубой ладонью по фигуре Христа, затем что-то тихо прошептал на латыне, развернул крест и бережно уложил его на сгибе левой руки. Он был готов. Через минуту святой отец уже спустился в зал постоянного двора, волевым жестом пресекая любые угоднические поползновения со стороны хозяина заведения, который, зави-

дев посланника церкви, вскочил из-за стола и почти бегом направился в его сторону, рассыпаясь приветливыми и по-добострастными речами.

– Все ли готово? – спросил Игнатий, не удосуживая даже взглядом растерянного трактирщика. Впрочем, последний быстро пришел в себя и тут же утвердительно закивал головой:

– А как же, всенепременно. Только вас и ждут, ваше высокопреосвященство.

– Хорошо, – произнес Игнатий и хотел было выйти из таверны, но в последний миг остановился. Обернулся и внимательно посмотрел на немолодого уже, лысоватого мужчину в засаленном фартуке с испариной на лбу – хозяина заведения. Он выглядел неряшливо, как и все его заведение. Болезненный, сладковатый запах исходил от его немытого тела.

– Что-то еще? – заискивающе заулыбался тот.

– Веруешь ли ты в Господа, сын мой? – спокойно и даже мягко спросил Игнатий. Тем не менее кабатчик мигом покраснел, а испарина на лбу тут же собралась в капли и тонкими струйками побежала по вискам.

– Конечно, верую, как может быть иначе? Что за вопрос? – выпалил из себя мужичок. Он хотел еще что-то сказать, но Игнатий остановил его жестом.

– Знаешь ли ты, сын мой, как отличить божественное начало от дьявольского? Где начинается свет, а где зарождается тьма? И как отличить одно от другого?

Трактирщик быстро стал водить глазами из стороны в сторону, что-то мычать и неуверенно кивать головой. Видно было, что вопрос поставил его в тупик.

– Бога ради, боюсь, что такие мысли никогда не приходили мне в голову. Я всего лишь трактирщик, господин. Такие тайны мне неизвестны, – извиняющимся тоном произнес он, одновременно протирая мокрый лоб краем фартука. – Но я с удовольствием бы послушал ученого человека, вроде вас, чтобы научиться такой премудрости и передать ее после моим детям и внукам, – быстро добавил он более бодрым и уверенным голосом.

Игнатий смерил его пренебрежительным взглядом. При этом бедный трактирщик покраснел еще больше, так что большой мясистый нос его стал похож на баклажан.

– Порядок, сын мой. Порядок – это то, что свойственно только лишь божественному началу. В природе, в людях... и в их жилищах, – при этом святой отец обвел рукой грязное, темное и затхлое помещение комнаты. Бог есть бог порядка, там, где нет порядка – хаос, царство лукавого. Также там, где нет света, воцаряется тьма. Так во всем. Ибо мир и мы сами – это отражение высшего устройства. По одному этому принципу можно вычислить еретика, – при этих словах он наклонился к трактирщику и зашептал ему на ухо, – так я вывел многих неверных на чистую воду. Беспорядок... в речи, в мыслях, в жизни... не приводит ни к чему хорошему. Лень, пьянство, нищета, позор – то, что в лучшем случае

стоят на пороге у такого человека. А в худшем... – Игнатий выпрямился, став сразу на голову выше собеседника, – ... в худшем на его пороге буду стоять я.

После чего Игнатий несколько секунд пристально и многозначительно всматривался в остекленевшие от ужаса глаза трактирщика, который, кажется, даже перестал дышать. Оставшись довольным произведенным эффектом, святой отец, ни слова больше не говоря, развернулся и вышел вон. Теперь он точно знал, что, когда вернется обратно, зал будет улыбаться ему чистыми полами, трактирщик пахнуть душистыми травами, а постель будет застелена свежим бельем.

На улице было пасмурно, но тепло. Серые низкие тучи, словно грязное пуховое одеяло, покрывало все небо до самого горизонта, лишь в некоторых местах имелись бреши, через которые на землю падали неуверенные солнечные лучи. Теплый ветерок приятно ласкал огрубелую кожу на лице Игнатия и ворошил редкие седые волосы на голове. Игнатий сощурился от яркого дневного света, постоял минуту, поглядывая по сторонам на покосившиеся лачуги, торговые лавки, которые оказались в поле зрения, да еще местных жителей, которые, завидев инквизитора, не глядя в его сторону, еще быстрее засеменяли по своим делам, стараясь, как можно скорее скрыться из виду. С утра прошел дождь, а потому и без того грязные, устланные человеческими и животными отходами улицы превратились в однородное пенящееся месиво, жутко пахнущее и почти непроходимое. Игнатий

скривился, вспомнив просторные и чистые дворы и площади Ватикана, по которым он так любил прогуливаться погожими вечерами, наслаждаясь густым запахом цветов, обильно наполнявшим теплый воздух. Воспоминание ярким образом всплыло в его памяти, и он искренне пожалел, что находится сейчас не там, в благословенном богом месте, рядом со своими братьями, а здесь, в этом вонючем, отсталом городишке. Он лишь крепче сжал в руках распятие, напоминая себе, что он здесь по воле Господа. Укорив себя за секундную слабость, Игнатий стряхнул с себя постыдное наитие и уверенно зашагал вперед, туда, где примерно в километре, возвышается над крышами мещанских домов купол городской церкви.

Глава 2

– Скажи мне, брат Игнатий, что ты видишь перед собой? – Понтифик стоял чуть поодаль, на аллее, граничащей с ватиканскими садами, и указывал перед собой на открывающийся прекрасный вид – собор святого Петра, Сикстинскую капеллу и другие архитектурные чудеса, находившиеся в распоряжении Святого престола.

Игнатий, стоявший на почтительном расстоянии позади Папы, направил взор в ту сторону, куда указывал перст последнего.

– Это суть – величие Господа нашего, резиденция духа его, оплот нашей веры и надежда всего мира – Римско-католическая церковь. Вот что я вижу.

– Да... без всяких сомнений, так и есть... но скажи, брат, видишь ли ты там что-то иное...не столь очевидное.

Игнатий сощурился, тщетно пытаясь разглядеть то, о чем говорил Понтифик.

– Вероятно, преподобный, мне Господь не открывает то, что позволено видеть вам.

Пресвятейший повернулся в его сторону и внимательно осмотрел инквизитора маленькими глазками, глубоко посаженными, прикрытыми густыми седыми бровями.

– Я скажу тебе, брат Игнатий, что вижу я, когда смотрю на Ватикан, когда каждый день прогуливаюсь по его садам.

Я вижу возможности, безграничные... которыми благословил нас небесной отец и которые мы не реализуем, не пользуемся тем, что имеем. Мы способны на гораздо большее, понимаешь, брат? Нам все для этого дано. Но мы продолжаем барахтаться изо дня в день в суете, исполняя какие-то никому не нужные рутинные обряды, поросшие плесенью, что тот же овечий сыр в наших погребках. Ты понимаешь, о чем я?

Игнатий понимающе покачал головой.

– Посмотри вокруг, все границы Ватикана можно охватить взором, так он мал. Но каково его величие? Разве это не чудо Господне? – Папа энергично развел руками по сторонам.

– Истинно так, – тихо произнес Игнатий, еще не понимая, куда вьется нить разговора.

– Ватикан – это особое место, Игнатий... место силы, но не такой, что имеется у всех этих никудышных королей, которым нет числа. Их армии малочисленны, а люди, их наполняющие, в большинстве своем верны своим хозяевам до тех пор, пока звенит монета. Армия католической церкви велика как ни одно другое войско в мире и верность ее людей – абсолютна. Вдумайся, Ватикан ничего не производит, не сеет и не жнет, но ни в чем не имеет нужды. Закрома наши ломаются от золота и серебра. И все дороги ведут сюда, и все дела ведутся через нас. Нет места на земле, где бы наше слово не имело веса. Глаза и уши наших братьев по-

всюду, и нет тайн, сокрытых от нас, – Пресвятейший говорил горячо и эмоционально. Речь его завораживала и заставляла невольно проникнуться настроением и атмосферой величия и гордости. Понтифик вдруг замолк и несколько секунд вглядывался куда-то сквозь Игнатия, а затем уже спокойно и как-то по-деловому сухо продолжил:

– Но враг человеческий не дремлет Игнатий, видит он слабости наши, видит, что церковь задремала и не пытается более взять свое, не пользуется таланты, дарованные Господом, не совершенствуется день ото дня. А кто, брат, не делает сегодня шаг вперед, тот завтра окажется на два шага позади. Помни об этом. Зная это, враг вливает в уши отступников ересь, дабы распространилась, как зараза чумная, по всем землям, стараясь подточить таким образом основы веры, внести смуту... расколоть церковь, а затем уничтожить верных детей божьих. Такое замечается все чаще, повсюду, тут и там. Ты понимаешь всю опасность такой тенденции?

– Враг коварен, преподобный, но с нами Господь и святые Его. Нам нет нужды бояться.

Преподобный в ответ лишь ухмыльнулся:

– Ты отличный воин Христов, Игнатий. Смелый и надежный. Но ты не понимаешь, как ведется борьба в этом мире. Все не так просто. Но ты прав, Господь нас не покидает. Именно поэтому он и открыл мне глаза на проблему ереси, так стремительно набирающую обороты. Теперь уже наш черед проявить твердость и пресечь на корню любые напад-

ки врагов на нашу веру и учение Христа. Именно поэтому я тебя и пригласил. Ибо слышал о тебе, что ты имеешь определенные способности и особый характер, который, как мне кажется, весьма придется ко двору при решении подобных задач.

Понтифик подошел к Игнатию, взял его под руку и неторопливо повел вперед.

– Но об этом лучше поговорить в более располагающей обстановке, заодно можно будет прикинуть варианты твоего продвижения по службе... как мне кажется, из тебя, брат, вышел бы отличный кардинал.

Глава 3

– Игнашенко, ко мне в кабинет, немедленно! – рявкнул в трубку подполковник Павел Николаевич Тифитулин, глава полиции города Ватутинск, потерявшегося где-то в северных широтах необъятной России. Полный, средних лет мужчина одернул тугой галстук и ловким движением расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Вид у него был грозный, даже яростный. Глаза налились кровью, под кожей ходили желваки, дыхание было частым и неровным. Подполковник был явно чем-то не на шутку огорчен. Вообще Павел Николаевич характер имел вздорный, вспыльчивый, а также часто обижался даже на безобидную критику или шутку в свою сторону, был злопамятен и не упускал возможности при случае отомстить обидчику. Стоит ли говорить, что, будучи начальником полиции, возможности для этого у него были всегда и в изрядном количестве. Из-за этой особенности характера, подполковника боялись все – и свои и чужие. Особенно свои. Потому, когда через минуту дверь в его кабинет робко приоткрылась, в нее протиснулся бледный и напуганный, долговязый мужчина, который встал при входе и, стараясь не сорваться на писк, быстро произнес:

– Вызывали, товарищ подполковник? – мужчина снял фуражку и неловким движением пригладил засаленные волосы на голове.

Тифитулин зло зыркнул в его сторону:

– Вызывал, Игнашенко, садись... разговор будет серьезный к тебе, – произносит сквозь зубы начальник и жестом указывает подчинённому сесть в кресло напротив него. Игнашенко безропотно принимает приглашение.

– Что-то случилось Павел Николаевич? Если это по поводу моего прогула на той неделе, так это...

– Молчать! Заткнись, кому говорю! Скотина! Лучше молчи! – мгновенно выходит из себя начальник полиции. Затем роется в бумагах, кипой сложенных перед ним, находит нужную и кидает через весь стол подчинённому.

– Это что такое?! Бездарь! Что это такое я спрашиваю?! – не унимается подполковник. Несчастный, сбитый с толку Игнашенко в полной растерянности глядит то на бумагу, то на начальника. Вид при этом имеет абсолютно проваль- ный.

– Ну это... заявление, как же... помню, сам составлял. На той неделе угнали машину... у хозяина универмага, ну вы знаете... как его? – Игнашенко пытается еще что-то добавить, но, видя все более явную ненависть в глазах начальника, быстро сникает. Тифитулин, не сводя взгляда с то бледнеющего, то краснеющего Игнашенко, медленно и проникновенно, сбиваясь на шепот говорит:

– Я вижу, что это заявление об угоне, не слепой. Вот только почему оно здесь, у меня на столе? Игнашенко непонимающе хлопает глазами.

– Ты что, капитан, забыл, что в моем городе, машины не угоняют? Ты что, подлец, хочешь мне статистику испортить, скажи? Может, хочешь, чтобы мне звание внеочередное не дали? И должность? Может, хочешь, чтоб я в этом Мухосранске торчал до самой пенсии, вместе с тобой, дебилом? Может, ты любишь меня так сильно, да признаться стесняешься? Ты часом не пидарас ли, а?

Глаза Игнашенко расширились от ужаса, и он быстро начал мотать головой в знак отрицания.

– Никак нет, товарищ подполковник, я не из таких. Мамою клянусь!

– Точно? Что ж ты ведешь себя тогда, как пидар? Разве нормальные пацаны так поступают со своими сослуживцами? Подставы такие кидают, а? Как считаешь?

Капитан энергично подался вперед, приложив руку к сердцу, видимо, в знак искренности.

– Виноват Павел Николаевич! Ей, богу, виноват! Не иначе как садомит распоследний и поступил. Каюсь! Не подумал! С похмелья был в тот день...

Подполковник удивленно покачал головой.

– Ты что же, капитан, в пьянке признаешься? До конца решил замарать честь офицера? – строго произнес Тифитулин, но на лице его читалось, что он уже не злился.

Не то чтобы... день рождения отмечали...

Начальник полиции устало посмотрел на него.

Дурак ты, Игнашенко. Ладно... в этот раз обошлось, хоро-

шо, что вовремя увидел – он пальцем указал на мятую бумагу перед Игнашенко, – смотри, чтоб в последний раз такое! А то вылетишь ко всем чертям, по статье! До конца жизни будешь охранником в супермаркете сосать!

– Так точно, Павел Николаевич, больше такого не повторится... я просто того, думал, что вы с коммерсом тем в друзьях. Вот и решил...

Павел Николаевич махнул рукой на подчиненного, сам же подумал, что действительно получилось нехорошо. Машину наверняка угнали те залетные дагестанцы, с которыми подполковник имел договоренность. За долю начальник полиции закрывал глаза на угон дорогих машин в городе, которые потом переправлялись в Москву, где перепродавались или шли на запчасти. «Тоже хорош, конечно... ладно, потом что-нибудь придумаю.» Взгляд его снова упал на подчиненного.

– Скажи Игнашенко, как там дела с тем отрицалой? Раскололи? Подписал повинную?

– Пока нет, не подписывает сученыш, но это не проблема, все подпишет – дело техники. – Игнашенко радостно осклабился, видно было, что он уверен в том, что говорит. Подполковник удовлетворенно кивнул:

– Давай-давай, поспеши с этим, конец квартала уже, планы горят... «глухарей» надо скидывать.

– Не переживайте, все будет. Это мы умеем, – и капитан вновь задорно заулыбался. Тифитулин лишь покачал головой.

– Ты плохой сотрудник, Игнашенко. Дурной и некомпетентный. Но другие еще хуже. Так что старайся, старайся лучше, ведь когда я пойду наверх, кому-то нужно будет занять это кресло. В глазах капитана загорелся огонек от таких слов, недобрый, почти безумный, так что подполковник невольно задумался о том, какой должно быть начнется беспредел, если этот отморозок придет к власти. Но его, это нимало не заботило, так как сам он в этой дыре уже точно долго не задержится, если все его планы сбудутся. А к тому все и шло.

– Вот, что ты видишь, Игнашенко, глядя на наше управление? – Тифитулин обвел руками свой кабинет. Ему было интересно, что капитан думает и как он позиционирует свою службу.

– Возможности вижу, товарищ подполковник! Безгарничные! А как же иначе? – не задумываясь ни на секунду, отвечает Игнашенко.

Глава 4

Отец Игнатий сидел за массивным, дубовым столом, который специально для него принесли из ратуши и поставили посередине центральной городской площади, на которой сегодня должна была решиться участь молодой девушки, дочери местного мануфактурщика сукна, обвинявшейся в колдовстве и распространении ереси. Впрочем, судя по большому столбу, вкопанному тут же и обложенного по кругу тя-

желыми охапками хвороста, участь ее уже была предрешена. Дело оставалось лишь за публичным процессом, который должен был стать показательным не только для убитого горем отца, который отказался вести дела со Святым престолом, но и вообще для всех остальных граждан, которые после подобной демонстрации три раза подумают, прежде чем просто посмотреть в сторону иных вероучений и конфессий, кроме католической.

Процесс длился уже более трех часов, и Игнатий слегка утомился. Один за другим выходили перед ним разные горожане, причастные к делу – соседи, воспитатели, рабочие мануфактуры – в общем, все, кто хоть как-то знал обвиняемую. Все они, держа руку на сердце, уверяли, что давно что-то такое замечали за девицей и в доказательство приводили разной степени нелепости истории, якобы подтверждающие ее вину. Кто-то видел, как она поласкала бельё в реке, а в корзину складывала, как по волшебству, уже сухое белье. Кто-то доносил, что наблюдал, как обвиняемая готовила ведьминское зелье, которое хотя и было на вид похоже на ячменную похлебку, странно и очень подозрительно пахло. Некоторые и вовсе утверждали, что видели, как похожая девица по ночам летает над крышами домов и заглядывает им в окна, пугая детей. И даже, казалось бы, такой смягчающий факт, что девушка все свое свободное время проводила в местной церкви, бескорыстно помогая немногочисленным тамошним служителям, обернули против нее. Вроде как она

делала это по злему умыслу, на деле же пыталась совратить местное духовенство с пути истинного. Удалось ей это или нет, решить должно было уже другое расследование. На деле это значило, что все священнослужители вскоре исчезнут, оставив после себя лишь догадки и домыслы местной пасты. Конечно, думать будут самое плохое, на это и расчет. Но, на самом деле, их просто переведут в другое место, как правило, получше и подальше и часто в новом сане. Делалось это по очевидным причинам. Ведь ни один здравомыслящий человек в этом городке не будет ходить на исповедь к священнику, который в любой момент может сдать его с потрохами святой инквизиции.

Игнатий уже даже не слушал всех этих людей, которые мелькали у него перед глазами. Вся их болтовня слилась в монотонное бормотание, бессмысленное и занудное. А потому он весьма оживился, когда секретарь коснулся его плеча и сообщил, что свидетелей больше нет и пора огласить приговор. Святой отец немедленно отдал распоряжение, чтобы пленницу привели для оглашения приговора. Как ни странно, но самой обвиняемой на слушании не было, несмотря на судебные правила и предписания. Инквизитор знал, что будь эта прелестница здесь, перед его очами, ему было бы не до процесса. А потому специально отдал приказ, чтобы обвиняемая оставалась в камере до непосредственного приговора, дабы «колдовскими умениями не навести дьявольский морок на судей, обманом склонить их на свою сто-

рону, тем самым подставив под удар дело инквизиции и всей святой католической церкви».

Время на раздумье суд не стал брать, потому что обвиненный оказалось более чем предостаточно, для того чтобы вынести приговор немедленно. К тому же во время дознания обвиняемая признала свою вину по всем аспектам. А потому не прошло и четверти часа, как для казни все было подготовлено.

На площади было очень многолюдно. Под общий гомон и крики этой толпы из темницы вывели осужденную. Толпа расступалась перед двумя стражами, которые под руки почти волоком тащили ее на место казни. Люди с нескрываемым ужасом провожали глазами смертницу, женщины, не сдерживая чувств, отворачивались, расталкивая локтями толпу скрывались в ней, уступая место новым зевакам. Вид узницы действительно ужасал. Густая, огненно-рыжая некогда грива на ее голове превратилась в извалявшиеся, серые от грязи лоскуты волос. Она была одета лишь в тюремную рубаху, грязную и рваную, с большими пятнами запекшейся крови на груди, а худые ноги, торчавшие из-под полы рубахи были перебиты в районе щиколоток и теперь беспомощно и уродливо болтались плетями. Прелестное в прошлом личико было синим от побоев, искажённое и отёкшее. Это была личная просьба святого отца. Игнатий очень опасался, что, глядя на юную деву, не сможет уберечь свои мысли от греха плоти, а потому попросил избавить ведьму от всех признаков

красоты, всех прелестей, которые могут, так сказать, смутить граждан. Заодно, чтобы показать всем, что бывает с теми, кто, отринув Господа нашего, устремляется ко злу. А так как зло, понятие очень широкое, спорное и многомерное, легко меняющее свое положение и статус (иногда на прямо противоположное) проходя сквозь мясорубку человеческого ментально-языкового бюрократизма, то чтобы не возникло путаницы, следует приучить людей, сверять свои моральные ценности с единственно достоверным, утвержденным в последней инстанции оригиналом, высеченном на белом обелиске, возвышающимся над всеми народами – римско-католической церковью. Но так как люди строптивы по своей природе и

зачастую не хотят добровольно подчиняться «высшей воле», свою непростую службу несут такие люди, как отец Игнатий и его многочисленные собратья по вере, которые призваны вернуть на путь истинный всех заблудших, даже если для этого необходимо их сжечь на костре... или к примеру, их единственную дочь.

К слову, Игнатий никогда не был садистом и не получал удовольствия от пыток, потому никогда в дознавательных процессах не участвовал лично. И отдавал такие поручения лишь когда считал, что этого требует дело. А дело этого требовало почти всегда. Он был уверен, что так нужно, так будет правильно и что он действует адекватно сложившейся ситуации. И даже больше – он действует из лучших намерений,

на благо всего народа божьего, пусть они этого и не в полной мере могут понять или принять. Как он сам часто говорил, «Дело правое, требует крепкой руки и твердых намерений, принципов и готовности их отстаивать в любой момент, любой ценой. Всякое попустительство же, присущее слабохарактерным, хромающим на обе ноги людям, ведет к ереси и запущенности в головах, делах народных и государственных, повсеместно растлевающая истинные ценности и приоритеты, оборачивая их в пользу врага, который на том строит свое царство несправедливое на этой земле, фундамент которого – наша слабость и неуверенность.»

Стража, тем временем, возилась с пленницей, подвешивая ее за руки на столбе.

«Что за идиоты, ради чего стоило ломать ноги?» – с раздражением подумал про себя Игнатий, а потом заметил, что два кровавых пятна на ткани в области груди, которые поначалу он принял за кровавые слюны, видимо, появились вследствие непосредственного удаления этой самой груди. В пользу этого предположения указывало то, что под рубашкой явно более не угадывались те самые неровности, которые ранее так волновали святого отца. Видимо, приказ избавить девушку от всех «признаков красоты» обстоятельными и старательными, но не слишком умными «помощниками» было воспринято слишком буквально. «Идиоты» – вновь оценил труды тюремщиков, инквизитор. Тем не менее что бы там ни думал о них Игнатий, стражники знали

свое дело, и вскоре несчастная девушка уже была подвешена за руки, ступни же не касались земли, беспомощно висели в нескольких сантиметрах от поверхности, но это полностью скрывалось от вида, благодаря большим вязанкам хвороста вокруг. Такое положение тела должно было причинять дополнительные страдания, но подсудимая выглядела настолько отстранённой и безэмоциональной, что Игнатий всерьез подумал, о том, не умерла ли девица раньше положенного. Но потом справедливо подумал о том, что, вероятно, она могла использовать колдовские способности, для того чтобы незаметно парить в воздухе.

К инквизитору подошел один из распорядителей и на ухо доложил о том, что все готово и можно начинать. Святой отец встал из-за стола, взял на руки свое черное распятие и неспешно двинулся в сторону кострища. Гул, стоявший на площади, сразу стих. Люди замерли в ожидании. Лишь далекие еще раскаты грома да редкое карканье ворон нарушало тишину на площади. Ветер в преддверии ненастья стал усиливаться, и Игнатий подумал, что нужно скорее закончить со всем этим до начала дождя, который, скорее всего, наколдывала ведьма прямо сейчас, чтобы помешать казни, насмехаясь таким образом над божьим правосудием. Игнатий не собирался предоставить ей такого удовольствия. Подойдя ближе, он остановился и не смотря на осужденную, окинул взглядом теснящуюся толпу людей, образовавших плотное кольцо, заполнявшее все пространство пло-

щади. Выдержав короткую паузу, Игнатий деланным голосом начал зачитывать подозреваемой и собравшимся зевакам обвинительный акт, где ярко и многословно были описаны ее грехи и деяния, направленные «против Господа, Его народа и церкви». После чего он повернулся лицом к смерти и громогласно спросил.

– Признаешься ли ты, дитя божье, что отреклась от заветов Всевышнего Отца, встала на путь зла и, будучи прислужницей врага человеческого и князя тьмы, совершила все то, что вменяется тебе в вину?

Ответа не последовало. Голова мученицы, опрокинутая на грудь, точнее туда, где она раньше была даже не шелохнулась. Игнатий повторил свой вопрос более требовательно. Ответа снова не было. «Вероятно, все-таки умерла», – подумал святой отец и, чтобы замять неловкий момент, быстро и скомканно объявил решение суда и подал знак палачу. Человек в темной тканевой маске, скрывающей лицо, зажег большой факел, медленно и даже как-то церемонно подошел к кострищу, (нелепой патетичность поведения так раздражая инквизитора, что тот готов был кинуть его в костер следом за ведьмой) и, обойдя по кругу поджог с четырех сторон. Огонь, будто ждавший своего часа, мгновенно переметнулся на сухие ветки и за считанные секунды превратился в настоящее пожарище. Игнатий мельком взглянул на пламенный вихрь, который казался особенно ярким и завораживающим на фоне темного пасмурного дня и уже было пошел к столу,

чтобы взяться за документацию, как вдруг мученица подняла голову и спокойным, громким и ясным голосом произнесла:

– Постой, инквизитор! Взгляни на меня в последний раз! – Игнатий от удивления резко обернулся на голос. Невольно он подчинился велению. Узнать в ней молодую, некогда цветущую девушку было невозможно. Не малые душевные и физические муки, перенесенные этим созданием, отразились на ее лице. Тень неумолимой смерти вуалью накрывала его, печать страдания искривила нежные симметричные черты. И только глаза, точнее один из оставшихся после допросов, светился ярко-голубым, угасающим светом жизни, оставаясь последним сосредоточением воли и ясности сознания погибающей девушки. Игнатий замер, словно мышь перед гипнотической силой этого кристально чистого, внеземного взгляда, взгляда, возможного только, как последнее надрывное напряжение трепещущей в последнем усилии души, которая вот-вот должна была вырваться из загубленного саркофага брэнного тела.

– За свою жизнь я не сделала ничего дурного, за что вы имели бы право убить меня. Но раз так поступили с Господом, то мне тем паче нет нужды роптать. Я приняла свою долю. Дела мои и помыслы чисты перед людьми и перед Господом. Я не оправдываюсь, а лишь заявляю это во всеуслышание перед Богом, который стоит сейчас за моим плечом, чтобы принять меня в свои объятия! Но перед тем как ду-

ша покинет мое искалеченное тело, чтобы вернуться в лоно божье, я скажу тебе, инквизитор, твою судьбу и всех, подобных тебе. Люди! Нет дьявола на земле, кроме самого человека! Того человека, что не живет простыми библейскими принципами, в которых отражен наш Спаситель. А в ком нет бога, в том обязательно пребывает дьявол. Ты, инквизитор, и есть сам дьявол! И дни твои сочтены, хоть проживи ты еще сотню лет... участь твоя – адское пламя, в сравнении с которым этот костер не горячее парного молока.. и ты не сгоришь в нем. Нет... а будешь мучиться в облике демоническом, ибо пламя то – пламя скорбей, зла и боли от деяний твоих, коих ты посеял великое множество и которые будут терзать тебя всю вечность. Слышишь, инквизитор – велики дела твои, но не будет в них счастья и никакой будущности, ни мира, ни процветания, потому что суть зла – саморазрушение. И не будет тебе другого, даже если пожелаешь. И оттого ты будешь умирать тысячи раз, начиная сначала, будешь обречен погубить любую цель преследуемую, ибо наказание твое – забвение всякого начинания, и к чему не прикоснешься – исчезнет, оставляя тебя в одиночестве, наедине с твоей мерзостью во все дни последующие. Вот тебе предсказание мое, инквизитор, запомни слова мои и передай всем греховодникам из вашей чумной стаи, ибо разделите на всех одно воздаяние божье.

Она обожгла инквизитора последним взглядом, после чего силы оставили ее, и она безвольно уронила голову, так что

не возникало ни единого сомнения – она мертва. Тут же поднялся сильный ветер, который в мгновение ока раздул пламя костра с такой силой, что оно целиком поглотило тело девушки.

Каким бы волевым и непоколебимым человеком ни был святой отец Игнатий, увиденное произвело на него ошеломляющее впечатление. Перед глазами не мерк образ последнего взгляда мученицы, который был сродни выстрелу из арбалета в упор. Он поймал себя на том, что медленно пятится назад, губы дрожат, а руки так сильно впились в железной распятие, что побелели костяшки пальцев. Сквозь эхо отдававшихся в его голове последних слов девушки до него стали долетать крики и волнение толпы. Конечно, на народ сцена произвела впечатление. Толпа гудела и причитала, с каждой секундой все громче. Необходимо было взять ситуацию под контроль.

– Ведьма! Ведьма! – зычно заревел Игнатий, сиюсь перекричать рокот толпы. – Видели?! Показала свою суть на смертном одре! Не было раскаяния в ее душе, только клевета и повет слуг божьих. Решила запугать, обмануть, последней волей навести морок на людей божьих. Не верьте словам ее! Нет в них ни капли истины, потому что устами ее говорил сам отец лжи.

Он подбежал к толпе, поднял распятие над головой.

– Смотрите на образ Господа вашего и молитесь его о прозрении! Просите о защите от сил сатанинских, дабы усто-

ять, ибо он лично посетил ваш город. Да благословит вас Всевышний и помилует! Ступайте домой и подумайте над тем, что увидели. Над коварством врага, который, словно рыкающий лев, жаждет поглотить любого из вас. Бойтесь Бога и будьте стойкими! – затем Игнатий нашел взглядом начальника стражи и знаком показал ему, что пора вмешаться. Стража демонстративно залязгала оружием и двинулись в сторону людей.

Гомон понемногу стал утихать, говорить слишком громко и слишком много означало навлечь на себя гнев инквизиции. Потому обмениваясь многозначительными взглядами и тихонько перешептываясь, горожане стали расходиться восвояси.

Игнатий, убедившись, что народное волнение удалось свети на нет, махнул рукой начальнику стражи и двинулся к своему столу. С размаху усевшись в кресло, он хмуро, исподлобья глянул на пылающий костер, в котором догорали останки первой женщины, сумевшей нагнать страха на великого инквизитора. Через секунду к столу подбежал главный стражник, весь мокрый от пота:

– Звали, ваше преосвященство?

– Звал, – проворчал Игнатий. – Теперь молва пойдет, люди начнут обсуждать, преумножая слухи, как это бывает. Нужно не допустить ереси, капитан. Будем молить Господа об этом... но, если вдруг двое – трое самых отъявленных еретиков, все же найдутся... то придется их повесить для обще-

го блага. Понимаешь? – Игнатий наклонился через стол, позаговорщицки сбавляя тон разговора. – Это важно, – он хлопнул стражника по плечу, показывая, что разговор окончен.

Капитан стражи пару раз моргнул, а затем уверенно покинул головой:

– Слушаюсь, святой отец, будет исполнено. И уже хотел было уйти, но заметил, что инквизитор все еще находится в дурном расположении духа, решил его подбодрить, дабы заслужить его расположение:

– Не переживайте, отец Игнатий, проблем не будет – она была ведьма, кто станет проливать о ней слезы? Все скоро забудут о ее существовании.

Игнатий ничего не ответил, лишь искоса посмотрел на наглого капитана, посмеявшего взять на себя роль его советчика. Когда же взгляд Игнатия упал на того, инквизитор удивился перемене, которая произошла в лице стражника. Глаза его расширились, словно он увидел нечто пугающее, рот беззвучно приоткрылся. Затем он поднял руку и указал на Игнатия. Святой отец смутился, оглянулся по сторонам.

– Что, капитан? Что еще? Язык проглотил?

– У вас... там... смотрите... – и он ткнул пальцем в область живота.

Игнатий опустил голову и увидел, что по рукаву, на котором лежало распятие, медленно растекается кровь. Непонимающе он уставился на свою руку, затем проследил взглядом

кровавой след, вздрогнул, рывком поднялся с кресла, отбросив крест на стол.

– Пошел вон! Убирайся! – взвизгнул инквизитор, косясь на капитана, который закрыл рот ладонями и не отводил взгляда от стола. Услышав приказ, тот резко обернулся и быстро, почти бегом стал удаляться в противоположную сторону.

Игнатий осмотрел рукав. Это была кровь, никаких сомнений.

– Этого не может быть, не может... – залепетал инквизитор, отводя руку от лица и окидывая дрожащим от ужаса взором грубый облик Христа из кованой стали, из черноты глаз которого капали на стол кровавые слезы, растекаясь алым покрывалом повсюду, заливая все обвинительные приговоры, лежащие подле растекающейся луже крови, в которой они исчезали, растворяясь словно в огненной лаве.

Глава 5

– Игнашенко! Ко мне, суку такую! Из-под земли достаньте! Чтоб был сейчас же! – надрылся в трубку подполковник Павел Николаевич Тифитулин.

Чувства, которые переполняли сейчас начальника полиции, были сложные и противоречивые. С одной стороны, ему непреодолимо хотелось достать табельный пистолет и разрядить всю обойму в мерзавца Игнашенко, как только его сутулая фигура появится в зоне прицельной стрельбы. С другой стороны, он мучительно осознавал тот факт, что разрушить все то, к чему он так долго стремился, еще и загреть в тюрьму ради импульсивного, хотя и сладостного акта уничтожения опостылевшего сотрудника, будет глупейшей ошибкой его жизни. Хотя, опять же, кажется, все и так уже было разрушено. Горестные мысли с новой силой навалились на подполковника. Гнев моментально сменился отчаянием, он уткнул круглое, рыхлое лицо свое в крупные ладони, и плечи его затряслись от плача.

«Что теперь будет? Что только меня ждет?» – сокрушался Павел Иванович. «Уволят? Наверняка. Могут посадить. Если станут шить дело, то придется все отдать, все, что есть.» Новая волна стенаний вырвалась из груди начальника полиции. «Столько лет службы, все коту под хвост... из-за одного идиота... убью, убью его, падлу, а потом за границу, если по-

везет, не успеют взять». Поток абсурдных мыслей отчаявшегося офицера прервал скрип двери и, как всегда, проскользнувший в узкий пролет слизнеподобная фигура Игнашенко. Увидев начальника в таком пикантном положении, он смутился, развернулся вполоборота и, стараясь не смотреть в его сторону, доложил о своем присутствии. Тифитулин, убрал ладони от лица и горько посмотрел на своего капитана.

– Ах, это ты? Да вызывал. Садись, – Игнашенко робко присел на краешек стула напротив.

– Что-то случилось, товарищ подполковник? Если это из-за того, что я в прошлом месяце...

Тифитулин мрачно смотрел на подчиненного и совершенно не слушал его. Когда губы Игнашенко перестали двигаться, он еще пару долгих секунд сверлил его взглядом, про себя взвешивая какое-то важное решение. Затем подполковник все также молча встал, открыл ящик стола, достал пистолет. На глазах удивленного Игнашенко он достал патроны и медленно стал вставлять их в обойму.

– Игнашенко, знаешь... а ты все-таки пидарас. Знаешь почему? Потому что ты-таки меня поймел, капитан.

Игнашенко еще больше выпучил глаза. Теперь он напоминал подполковнику жабу. Точнее, глупую лягушку.

– Чего вылупился? Не понимаешь, о чем я? – недоумение капитана казалось искренним. Подполковник резким движением вставил обойму в рукоять пистолета.

– Ты знаешь, что мне сегодня пришло на почту? Видимо,

где ты, Игнашенко, находясь в этом самом здании, в своем кабинете на первом, сука, этаже, на допросе тычешь «подозреваемого» электрошокером в область мошонки и предлагаешь ему подписать «чистосердечное». Это видео прислал мне один знакомый из министерства с пометкой, что к вечеру это уже будет во всех новостях федеральных каналов.

Глаза капитана округлились настолько, что глаза вот-вот должны были впасть из орбит.

– Кто снимал? Откуда? Я тут ни при чем! Товарищ полковник, что делать будем? – вскочил со стула Игнашенко. Тифитулин посмотрел на него, выжидая, давая последний шанс на реабилитацию для идиота. Но Игнашенко также ожидающе, туло скосившись, смотрел на начальника.

– Я скажу, что я буду делать, – прохрипел подполковник, поднял пистолет и навел его на Игнашенко. – Я пристрелю тебя сейчас, как собаку. Все равно сесть придется теперь, так хоть какое-то утешение будет, – ярость вновь вселилась в душу начальника полиции. – Имбецил! Идиот! На первом этаже, кабинет с окнами... ты что совсем придурок?! Что ты сотворил, ты хоть понимаешь? – Игнашенко испуганно отступил назад, примирительно поднимая руки перед собой.

– Павел Николаевич... занят подвал был, ребята там работали уже... а мне срочно нужно было с этим разобраться... сами же просили, сроки горят... там ведь и окна во внутренний двор и жалюзи я занавесил, кто же мог подумать?! Кто-то из своих это! Ссучился!

После этих нелепых бредовых оправданий все моральные ограничители сорвались в голове Тифитулина. Ярость полностью взяла под контроль уязвимый рассудок подполковника. Видимо, это отразилось в его облике, потому что Игнашенко не на шутку испугался, стал махать руками и лепетать что-то жалобное, пытаясь найти нужные для вразумления начальника слова.

– Павел Николаевич, прошу вас, не берите грех на душу! Я не виноват ни в чем! По вашим указаниям работал, я предан вам был... уважал вас, относился всегда к вам с пониманием, как к человеку. Вот и вы относитесь ко мне как к человеку. Не губите!

Все эти слова, вырывающиеся изо рта Игнашенко, словно дым, только коптили без того душный воздух в кабинете, не неся, по сути, никакой пользы, смысла или информации. Это только еще больше разозлило подполковника.

– Ты не человек, ты черт! И будет тебе как чёрту! – прошипел начальник полиции и выстрелил в грудь Игнашенко. За дверью тут же послышались окрики и возня. Игнашенко покачнулся, рукой нащупал рану, а затем рефлекторно опустил голову, чтобы посмотреть. Аккуратное отверстие в области сердца истекало ручейком темной крови по белоснежной форменной рубахе.

Тифитулин внимательно смотрел на сослуживца. Было удивительно, что тот еще был жив, да еще находился в сознании. Игнашенко поднял голову и посмотрел на бывшего на-

чальника. Из уголка губ его также сочилась тонкая ниточка крови. Но не этому поразился подполковник. А выражению лица капитана. Взгляд тот имел иронический и даже снисходительный. А затем и вовсе улыбнулся, обнажив ровный ряд красных от крови зубов.

– Ну что же вы, подполковник? Разве черта можно так убить? Вроде бы такой солидный человек, как-то не серьезно.

Тифитулин обомлел, замер, не сводя взгляда с Игнашенко. Тот же не спеша снял пиджак, галстук, ловким, умелым движением зачесал сбившиеся волосы назад, из-под которых теперь абсолютно четко можно было заметить пару недлинных волнистых рогов. Из рта его по-прежнему текли кровавые слюни, обильно орошая рубашку и пол. Рана на груди, напротив, казалась затянулась полностью. Он взял стул и небрежно уселся в него.

– Что, товарищ начальник, удивлены? Оно, конечно, интересно получилось, вы прям в самую точку попали – это я сейчас не о вашем выстреле. Я и в самом деле черт, – сказал Игнашенко-черт и хищно осклабился. Рот его наполняли теперь длинные, корявые клыки. Тифитулин не мог поверить в происходящее. Он так и стоял с пистолетом в руках, с открытым от удивления ртом.

– Как же такое может быть? Что за дьявольщина? Я что с ума сошел? – наконец пробормотал начальник полиции. – Не может же этого быть взаправду?

– Может, полковник, уж поверьте... Впрочем, было время, когда я сам был удивлен не меньше вашего.

– А-а-а? Сами???

– Не важно, сами скоро все узнаете.

– Что узнаю? – дурацкие вопросы Тифитулин задавал лишь для того, чтобы сказать хоть что-то.

Всё, я же сказал, – и получив на это очередной непонимающий взгляд, черт-Игнащенко решил-таки приподнять самый край завесы тайны.

– Это долгая история, но суть в следующем. Бог и дьявол реальны. Как ты да я. Но не вполне так, как это представляют большинство людей. Дьявол, ад и прочее – это, по сути, “темная” фракция человека, злая, если хотите. Различные деструктивные начинания человеческой психики. Иррациональное зло. Бог и рай – полная противоположность первому. Человеческая добродетель, позитивные вибрации души. Образовались эти структуры из единого человеческого психополя зародившееся с первым самосознанием. Ранее то были разрозненные локальные реальности со своими мелкими, местечковыми богами, которые олицетворяли менталитет своего народа... Ну, помните из мифологии – египетские, славянские, ацтекские боги и прочие. Но даже они имели значительное влияние на умы своих подопечных. Они забирали души, которые, на самом деле, не души в общепринятом смысле, а психоэмоциональная энергетика, существующая и накапливающаяся в головном мозге человека.

И чем этой энергии больше, тем сильнее становились боги как за счет прямой подпитки от «душ», так и за счет присоединения новых адептов, потому что люди тоже чувствительны к перепадам психической энергии и всегда неосознанно тянутся туда, в эпицентр, так сказать, – место силы. Именно поэтому любая религия оперирует в первую очередь эмоциональным состоянием паствы, используя техники и строя каркас своего вероучения на глубоких, ярких, искренних эмоциях, зачастую граничащих с эйфорийным надрывом психики человека. Также по этой же причине каждая религия опирается на смертоубийства. Жертвоприношения, ритуальные убийства или аутоистязания, религиозные войны, наконец. Все эти явления соответственно сопровождаются огромным выбросом сильнейшей психоэнергетики. Так было раньше – так есть и сейчас. Но с прогрессивным мышлением людей стали появляться новые, такие же прогрессивные боги, которые решили, что эмоции, построенные на смерти, конечно, хороши как источник энергии, но положительные эмоции ничем не хуже. Особенно когда перекресно подкрепляются негативом. Так и в самом деле оказалось гораздо эффективнее. Энергия теперь лилась рекой из всех возможных источников. Радость, любовь, гнев, страдание – все основные базовые эмоции теперь шли в ход. Новые религии стали расти как на дрожжах. Некоторые из них остались более консервативными, полагаясь на старые «добрые» проверенные методы, другие же, напротив, подались в противополож-

ном направлении – абсолютную любовь и отрицание насилия. Прочие остановились на золотой середине, вобрав лучшее от первых и вторых. Так образовались основные религии, которые делят мир на данный момент. У каждой из них интересная история и форма образования. Но нас интересует та, к которой относитесь лично вы подполковник.

– Православие? – тихо спросил ошарашенный Павел Николаевич, который ничего не понял из того что ему только что рассказали, но проникся до глубины души, благодаря “громкости” слов и авторитету собеседника.

– Субкультура тут не имеет значения, но, можно сказать, и так, – поморщился черт-Игнащенко.

– Но я не знаю даже, верю ли я по-настоящему... – задумчиво промямлил подполковник, отирая рукой пот со лба. Лицо начальника полиции покраснелось так, что казалось сейчас его хватит удар. Мясистый нос, стал темно лиловым, словно переспелый баклажан.

Ох, это уже не так важно... так или иначе умом, а что еще важнее «сердцем» вы причисляете себя к этой культуре, а этого достаточно, чтобы попасть под ее юрисдикцию.

Тифитулин промолчал, не став спорить с компетентными органами, решив, что разумнее будет внимательно слушать, какие выводы последуют из этого факта.

– Так вот... как я уже сказал, таким образом бог и дьявол существуют, но не в форме каких-то отдельных личностей, а в виде массового самосознания, консолидации ипостасей

собираательных черт характера, паттернов, ключевых «слов», если хотите, такими которые соответствуют доктринам данной религии и представлениям их последователей. Часто бывает, как в нашем случае, например, что дьявол, т. е. отрицательная часть психоэнергии эволюционно трансформируется в некоторое стабильное состояние, явление, которые имеют свои осязаемые и узнаваемые черты, контуры и фирменные знаки, незначительно меняющиеся, например, в зависимости от субпространства, – и черт-Игнашенко по-пижонски провел ладонью по рогам на голове.

– Ближе к делу, а то боюсь, уже утомил вас своей болтовней, подполковник. Ад в нашей культуре – это проклятие, накладываемое на человека, который при жизни соответствовал определенным критериям поведения, основанной на личной психоэнергии. Такой психотип, зачастую определяется генетически и принимает окончательную форму еще в детстве, ситуативно, почти всегда без вашего согласия и ведома. А дальше идет по накатанной. Потому можно сказать, что вы даже не слишком причастны к тому, какой вы есть. Но система бездушна и неумолима. Просто такие, как вы и я, нужны богам, равно как и праведники.... Просто потому, что мы приносим им доход. И все. Никакой другой подоплеки тут нет.

Но это не значит, что вы, подполковник, не попадете теперь в ад и не будете мучиться вечность сами и не будете мучить других. Такова наша участь. Я сам через все это про-

шел. Много столетий назад. Не буду вдаваться в подробности, просто скажу, что мое проклятие вечно заниматься одним ремеслом и вечно терпеть неудачи. Что уготовано вам – узнаете. Могу лишь сказать, что вас ждет вечное одиночество, как и всех остальных. Поэтому я так ценю подобные редкие моменты, как сейчас, когда удастся поговорить по душам, – и Черт-Игнашенко грустно улыбнулся ироничности своих слов. – Впрочем, нам уже пора, и так много времени потратили впустую, – по-деловому добавил он, встал со стула, накинул пиджак и стал завязывать галстук.

Тифитулин выглядел так, как будто черта увидел. Что в общем-то вполне соответствовало истине. Лицо его побледнело, даже посинело, словно у покойника. Мысли хаотично бились одна об другую в мучительных попытках осмыслить происходящее. Он почему-то четко осознавал, что нынешняя ситуация – это не галлюцинации сумасшедшего, не бредовые сны уставшего разума, а жестокая объективная действительность и что, наоборот, это раньше он жил словно в иллюзии, подспудно ощущая подлог, а теперь все стало на свои места. А значит, пришло время подумать о перспективах. Тяжелая токсичная рефлексия затопила его сознание. Интроспекция собственной жизни, беспорядочная и сумбурная. Нагромождения полузабытых поступков и смазанных последствий, словно бетонные плиты, заполняли голову подполковника. Рваные кадры памяти, на которых виднелись нечеткие изображения лиц людей, улиц родного

города, полицейского участка. Все эти воспоминания хоть и неявно, но отдавали грешным душком. Так или иначе. Вне всякого сомнения, вся его жизнь – это показательное представление в аду на день открытых дверей. Беда лишь в том, что до сего момента он не знал, на кого работает и что ему за это светит. Хотя, конечно, если быть честным перед самим собой, то, конечно, знал, ведь нельзя не догадаться. Просто привык закрывать на это глаза, а со временем сжился так, что перестал даже замечать и позиционировать как зло. Как будто сам им стал. Так, вероятно, и есть – иначе Игнашенко не пришел бы за ним вот так.

Черт-Игнашенко тем временем завязал галстук, аккуратно поправил его и вопросительно глянул на Тифитулина:

Ну что, Павел Николаевич, вот и все. Приступим, – и тут глаза Игношенко запылали дьявольским огнем, черты лица стали меняться, приобретая чудовищный вид, а рот его с торчащими длинными саблеобразными клыками, которые во много рядов усеяли всю внутреннюю полость, стал расширяться неестественно широко, как у змеи. А в глубине бездонной глотки виднелась такая всепоглощающая темнота, столь беспросветная и мрачная, что сразу становилось понятно – стоит попасть туда однажды, назад дороги не будет. Эта чернота, казалось, хуже всего, что мог вообразить себе подполковник, хуже позорного увольнения, хуже тюрьмы, суммы или гомосексуализма. Там, за горизонтом этой извечной первозданной тьмы, было нечто столь ужасающее, что

теперь все на свете сводилось к одному – любым образом избежать ее, чего бы это не стоило.

«Нет, не за что» – подумал про себя начальник полиции.

– Русские офицеры, так не умирают, – сквозь синие губы выдавал он. А затем, неожиданно подумал о другом, отстранённом. «И чего только так холодно здесь? Вроде бы кондиционер не включал сегодня... и почему... почему до сих пор никто не прибежал на звук выстрела? Вроде сразу должны были...» – и подполковник прислушался. И понял, что вокруг царит тотальная тишина, почти вакуумная, такая, что собственные мысли сотрясали ее, словно удар гонга. И только лишь странный гипнотический гортанный гул, вероятно, он тоже звучал лишь в его голове, исходил из кровавой пасти Игнашенко, которая уже заполняла собой половину кабинета, неумолимо приближаясь к нему все ближе, обдавая соленым запахом крови.

Затем подполковник поднял руку, в которой был крепко сжата рукоять табельного оружия, прислонил обжигающе холодный ствол к виску и спустил курок. Не успело еще тело подполковника упасть на пол, как адская пасть черта-Игнашенко, как по волшебству, восстановила свои прежние объемы. Все прежние пугающие демонические черты лица тоже испарились. Он подошел к столу, посмотрел на труп бывшего начальника, удовлетворенно кивнув:

– Заставить его сделать это – оказалось даже слишком просто. Я свое дело сделал... опять, – вслух произнес

он и помрачнел.

Затем отошел в противоположный угол кабинета, где зияло пулевое отверстие, от той самой пули, что прошла сердце Игнашенко насквозь. Прикинув расстояние на глаз, Черт-Игнашенко встал примерно там, где в него эта самая пуля угодила, сдвинул набок галстук, так чтобы выглядело естественно, а затем опустился на пол. Принял наиболее естественную для падающего тела позу, несколько секунд гримасничал, выбирая оптимальную мину и уже после всех приготовлений щелкнул пальцами, после чего обмяк, словно кукла, так и оставаясь лежать с открытыми глазами, в которых теперь не отражалось ничего, кроме извечного холода небытия.

Через секунду дверь в кабинет вылетела с петель – и ее разом наводнили встревоженные, сбитые с толку люди в форме.